

О ТРАНСКРИПЦИИ

В данной работе знаки, использованные в трудах В. В. Радлова для обозначения гласных фонем, оставлены без изменений. Консонантная система передается знаками кириллицы.

А а – широкий неогубленный, а также с оттенком огубления в слогах с огубленными гласными [o], [y], гласный заднего ряда, нижнего подъема.

Ä ä – очень широкий неогубленный гласный переднего ряда, нижнего подъема. Во многих словах сохранилось произношение данного звука в первом слоге, что соответствует его употреблению в древнетюркском: в односложных словах – *när* «дай», *är* «мужчина», «муж», *ÿär* «земля», *tär* «говорит», в двусложных словах – *ärtä* «рано».

İ i – нелабиализованный узкий гласный переднего ряда, верхнего подъема. Употребляется в первом слоге параллельно с широким ä. Соответствует тому же звуку в татарском [u], звуку [e] в других тюркских языках: *мин* (/mān) «я», *тимір* (/tämīr) «железо», *ikī* «два», *piçä* «жена», «женщина», *sinäk* «вилы», *kit* «уходи» и т. д.

Ы ы – редуцированный нелабиализованный полуузкий гласный заднего ряда, среднего подъема. Употребляется без позиционных ограничений в корне слова и аффиксах: *ÿырла* «пой», *қыс* «девушка», *тақыяа* «шапка», *сытырылыпты* «ободралось», *қартлық* «старость», *äйтп̄ йаты* «он говорит», *тулаты* «наполняется», *аның* «его».

İ̇ i̇ – редуцированный нелабиализованный полуузкий гласный среднего подъема. Употребляется без позиционных ограничений в корне слова и аффиксах. Соответствует корневому [u] большинства тюркских языков: *nir* «один», *nis* «мы», *Sibir* «Сибирь», *jigirmä* «двадцать», *tirü* «живой», *ïç* «пей», *nıl* «знай», *ışlā* «работай». Длительность этого [i̇] не соответствует гласному [u] в словах *kit*, *min*, *kiç*, развившемся из этимологического *ï*: *kitä tı* «он уходит», *sinıñ* «твой», *äitp̄n* «сказав», *ärı* «ее муж» и т. д.

О о – широкий лабиализованный гласный заднего ряда, среднего подъема. Как результат губной гармонии употребляется до 3–4 слогов; соответствует общетюркскому о: *отын* «дрова», *моҗын* «шея», *осхан* «прошедший», *тослар* «друзья», *қонақ* «гость», *тон* «шуба», *отыр* «садись».

О̇ о̇ – редуцированный полуширокий лабиализованный гласный заднего ряда, среднего подъема. Соответствует этимологическому у, имевшему сравнительно с широким гласным [o] меньшую длительность.

Ö ö – широкий лабиализованный гласный переднего ряда, среднего подъема. Закономерности употребления соответствуют вышеописанным для звука [o]; соответствует древнетюркскому [y]: *йү* «три», *өр* «иди, ходи», *төн* «дно, основание», *төр* «вид» (вместо *үй*; *күл*, *йүр*, *түн*, *түр*). Употребляется в первом слоге и в результате лабиализации узкого гласного может встречаться в последующих слогах.

У у – узкий лабиализованный гласный заднего ряда, верхнего подъема. В первом слоге слова встречается на месте общетюркского [o]: *пулган* (*полган*) «было», *тугыс* (*тогыс*) «девять», *қунақ* (*қонақ*) «гость» и очень редко соответствует общетюркскому [y]: *йумақ* «сказка», *мунта* «здесь», *цымылтық қур* «повесь занавеску», активно употребляется в аффиксах: *пару* «ходить», «хождение», *олу* «старший», *ақыллу* «умный», *башлу* «с головой».

Данный знак употребляется для трех вариантов звука у, отличающихся друг от друга употреблением в разных позициях и длительностью:

1) наименьшую длительность имеет у, соответствующий общетюркскому у;

2) среднюю (или нормальную) длительность имеет у, употребляемый вместо общетюркского [o];

3) наибольшая длительность присуща аффиксальному [y], образованному из первоначального сочетания гласного с согласным (*олуг*, *ташлуг* и т. д.).

Ў ў – узкий лабиализованный гласный переднего ряда, верхнего подъема, обозначает три варианта, из которых два употребляются в корне слова, третий – в аффиксах: 1) корневой ў (наименьшей длительности), соответствующий тому же звуку тюркских языков: *тўш күні* «середина дня», *тўрәў* «брошь, булавка», *кўр* «видеть»; 2) корневой ў (средней длительности), соответствующий общетюркскому [ö]: *күңиң* «переселившись», *күңрү* «мост», *тўң* «пень», *ўсїңис* «вы сами», *кўс күрмәс* «глаза не видят». В этом употреблении гласный ў соответствует татарскому [y]; 3) аффиксальный [y] (большей длительности), возникший на месте сочетания гласного с согласным: *киңү* «младший», *иссү* «жарко», *көтү* «стадо», *икү* «два», *әмтү* «теперь» (из *киңиг*, *иссиг* и т. д.).

Для обозначения специфических согласных применены следующие знаки:

[к] – увулярный, глухой, шумный, смычный согласный;

[ғ] – увулярный, глухой, шумный, смычный согласный;

[ң] – а) в окружении центральнозаднерядных гласных – увулярный;

б) заднеязычный носовой сонант;

[ч] – аффриката комбинированная, переднеязычно-среднеязычная, глухая, шумная;

[w] – сверхслабый, губно-губной, круглощелевой сонант.

В примерах, приведенных из других языков и трудов других авторов, сохранено написание, представленное в источниках.

ЖАНР «ХИКАЯТЫ» В ФОЛЬКЛОРЕ СИБИРСКИХ ТАТАР

«Хикаят» (араб.: повествование) – жанр фольклора или художественной литературы исламских народов Востока и Юго-Восточной Азии, Поволжья, Урала, Кавказа и Западной Сибири. Данный термин обозначает любое – чаще сюжетное – поэтическое или прозаическое произведение, в узком значении – жанр анонимного устного или книжного прозаического эпоса. Иногда хикаяты в прозе могут сочетаться с поэтическим текстом.

Хикаят – один из самых распространенных жанров в средневековой татарской литературе. Многие татарские хикаяты написаны в эпической форме, но в то же время встречаются и поэтические. Хикаяты по содержанию, жанровым своеобразиям близки к современному рассказу, новелле, анекдоту¹. В татарской литературе известны хикаяты Махмуда Булгари, Саифа Сараи, Мухаммедьяра, Каюма Насыри и других.

В арабской, персидской и турецкой литературах термин «хикаят» употребляется в значении «рассказ». У многих тюркских народов данный термин чаще всего обозначает также анонимный народный рассказ преимущественно дидактического содержания. Эти произведения фольклора могут осложняться включением в текст дополнительных сюжетов. В литературоведении они получили название «обрамленные хикаяты» или «обрамленные рассказы». В татарском фольклоре и художественной литературе такие произведения включены в многочисленные сборники, такие как «Мәжмугыл-хикаят» (Казань, 1994), «Физаилеш шөхүр, яки Саваплы гамәлләр» (Казань, 1994), «Гыйбрәтле хикәятләр» (Казань, 2004), «Мажаралы хикәятләр», «Калила и Димна» (Казань, 2008) и т. д.

Появление хикаятов как самостоятельного жанра фольклора относится к далекой истории. Первые образцы народных хикаятов встречаются в древнеиранской священной книге «Авеста». Иранский исследователь Джалил Дустхох в предисловии к изданию этой книги пишет: «Истоки некоторых мифов, героических поэм и обрядов, сохранившихся в последних главах «Авесты», а также в отрывках религиозных зороастрийских книг

¹ Миңнегулов Х. Й. Сәйф Сараи. Тормышы һәм иҗаты. – Казан ун-ты нәшр., 1976; *Хатын Миңнегулов. Шәрык һәм татар әдәбиятларында кысалы кыйссалар.* – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1988.

на языке пехлеви, восходят к периоду общей индоиранской культуры и цивилизации»¹. Выдающиеся образцы легенд, преданий и сказок, содержащиеся в «Авесте», близкие к современным хикаятам, дошли до наших дней благодаря повествовательной прозе ираноязычных народов.

В развитии жанра «хикаят» как жанра мирового фольклора, литературы огромную роль сыграли такие произведения, как «Калила и Димна», «Тысяча и одна ночь», «Тутыйнаме» и т. д. Они дали огромный толчок всемирному распространению этого совершенно нового направления в фольклористике и мировой литературе. Впоследствии такие произведения приобрели особую структуру сюжетов, стали называться «обрамленными повестями» или «инкорпорированными сказаниями». В XVIII–XIX веках английские, французские и немецкие переводы этих древних произведений захватывали воображение любителей художественной фантазии и светских страстей. Бесспорным является то, что эти произведения как исключительно важные творения фантазии и мысли человека оставили неисчезающий след в истории всемирной литературы.

Сюжетное ядро таких произведений восходит к глубокой древности и к устной традиции. Именно подобным способом сформировались такие основные жанровые формы, как дастан, кысса, хикаят, которые уже с тех времен соответствовали разновидностям прозаических жанров фольклора и литературы как ираноязычных, так и тюркских народов. Следует отметить, что в этих произведениях, в отличие от обычных сказок, герои действуют активно, осмысленно, в чем и проявляется их индивидуализм, который реже прослеживается в сказках вышеотмеченных нами народов.

Авторы этих произведений уже не возводят непреодолимые барьеры между добром и злом и не ставят своих героев по обеим сторонам, а их герои, как и в реальной повседневной жизни, могут находиться на разных позициях, исходя из своих целей, мировоззрений, моральных норм и ценностей, а также эстетических и материальных потребностей. Именно в этот период происходит индивидуализация героев, которая в древних фольклорных источниках не была ярко выражена, так как герои больше воплощали в себе интересы и мечты всего общества. Подобная индивидуализация героев в произведениях данной эпохи свидетельствует о том, что на самом деле в эпических сочинениях того периода отчетливо проявляются основные атрибуты и особенности жанра развернутых инкорпорированных хикаятов².

Таким образом, началось формирование такой своеобразной и совершенной художественной формы, в которой можно увидеть идеальное совмещение романтического и реалистического мышления, которое способствовало всестороннему структурному и содержательному плану развития жанра «хикаят». В таких эпических произведениях центральное место

¹ *Shokirov T. S.* law terminology in the «Avesta». – Khujand : Nargis, 2008. – 172 p.

² *Салихов III. А.* Роман в таджикской литературе XX века. Проблема формирования жанра : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Душанбе, 2011.

занимали героические и приключенческие истории с описанием различных, а также необычных образов и сюжетов. Своеобразная и отличительная особенность этих произведений заключалась в том, что в происходящих в произведении действиях не прослеживается вмешательство автора. С течением времени как идейные, так и содержательно-структурные особенности эпических произведений, постепенно развиваясь, приобретали новые контуры и атрибуты. Важнее всего было то, что в этих действиях стал активно участвовать сам автор, а в самих произведениях началось более детальное описание различных жизненных аспектов отдельно взятых людей, их характеров, побуждений, личностных характеристик. Появление прозаических произведений жанра «хикаят» в фольклоре сибирских татар начинается в начале XIV века вследствие включения территории Сибирского ханства в пространство исламской цивилизации.

Ислам становится официальной религией подавляющего большинства проживающего на юге Западной Сибири тюркоязычного, в том числе татарского населения. В настоящее время это население исповедует суннизм – наиболее распространенное направление в исламе. Среди историков нет единодушия в определении конкретного времени начала внедрения ислама в Сибирь. Согласно наиболее распространенной точке зрения, ислам появился в Сибирском ханстве как официальная религия в 70-е годы XVI века при хане Кучуме. Однако это мнение не является среди исследователей единственным. Наиболее раннюю датировку проникновения ислама в Сибирь выдвигает Ф. Т. Валеев¹: «Можно предположить возможность распространения ислама среди предков сибирских татар непосредственно представителями арабского духовенства, прибывшими в X веке к волжским булгарам в составе посольства Багдадского халифата». Среди мусульман Западной Сибири бытует предание, согласно которому ислам проник на эту территорию в конце XIV века, точнее в 1394 году. Именно эта дата фигурирует в двух документах, хранящихся ныне в Тобольском государственном музее-заповеднике. Эти две татарские рукописи конца XIX века, написанные арабским письмом и принадлежащие Са'д Вакасу Аллакулову и Кашафу Абу-Саидову, переведены и изданы в начале XX века профессором Казанского университета, ученым-востоковедом Н. Ф. Катановым. По данным этих источников, в 797 году Хиджры (1394–1395) на берега Иртыша пришли 366 конных шейхов и выступивший с ними в союзе хан Шейбани с 1700 отборными воинами и учинили там великое сражение за веру с жившими по берегам Иртыша язычниками – народами хотан, кара-кыпчак и ногай. В результате сражений язычников и татар истребили несметное количество, но и многие из самих шейхов погибли мученической смертью среди полей, в озерах, больших и малых реках. Прибывшие в Сибирь мусульманские миссионеры были учениками и последователями Ходжи Бахауддина Накшбанди (1318–1389), который

¹ Валеев Ф. Т. Сибирские татары. Культура и быт. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1993.